

Въ Филиппо-Ирапской пустыни.

Тихо, тихо шумѣлъ сосновый боръ, когда мы подъѣзжали къ Филиппо-Ирапской пустынѣ. Казалось, никто и ничто (развѣ только дикий звѣрь) не тревожило и по тревожать этихъ могущихъ гогенъ, такъ горделиво подняжающихъ свои вершины къ небу. Но шѣть, дорога, извивающаяся среди этого дикаго лѣса, болтливо говорила, что и здѣсь не только звѣри, но и люди вѣшли себѣ пріютъ.

Дѣствительно, чрезъ нѣкоторое время показалась чудная картина. Предъ пашимъ взоромъ развернулась небольшая равнина, со всѣхъ сторонъ окруженная какъ-бы неприступными стѣ-

нами, высокими вѣковыми соснами. Среди равнины обрисовались бѣлыя стѣны, окружающія высокую колокольню. Это и была обитель — конецъ нашего двухдневнаго путешествія.

Былъ уже вечеръ. Звѣзды ярко свѣтили на небосклонѣ. Густыя вѣтви сосенъ причудливо бросали свою тѣнь на дорогу. Царившая кругомъ тишина и вся окружавшая обстановка невольно, было, вызывала на воспоминанія о полной движущія, шума, бѣготни и говора людей, городской жизни. Но новая впечатлѣнія, новыя мысли вдругъ разъѣли всѣ набѣжавшія воспоминанія. Повѣяло издалека какъ-бы тихое дуновеніе весеннаго вѣтерка, тѣмъ спокойствіемъ, которое изрѣдка выпадаетъ на долю городского жителя, спокойствіемъ, приносящимъ душевный миръ, уравновѣшивающимъ безумныя желанія и искашія съ реальной дѣйствительностью, напоминающимъ о другой жизни — жизни любвеобильныхъ подвиговъ, полныхъ самоотверженія и самоотреченія ради чужого людскаго счастія. Какъ-бы въ отъѣзѣ настроение, мы вѣхали въ ворота Обители. И такъ, мы пошли въ одинъ изъ тѣхъ уголковъ, куда люди направлялись и направляются изъ мира искать душевнаго мира и спокойствія.

Въ обители мы встрѣтили радушный, отеческій пріемъ у настоятеля пустыни, Еромонаха Анастасія. Я, зная его уже раньше, въ бытность его іерочонакомъ Кирилло-Новоезерскаго монастыря и потомъ намѣстникомъ Кирилло—Бѣлозерскаго первокласснаго монастыря, былъ очень обрадованъ подобной встречей. Предъ моими глазами опять обрисовался тиѣль, почти исчезающій, тѣхъ давнихъ монаховъ, о которыхъ напоминаетъ намъ Русская Церковная исторія, которые, принимая монашество по призванію, въ своей жизни исключительно слѣдуютъ примѣрамъ тѣхъ подвижниковъ и учителей, которымъ такъ славилась прежде Русская земля. Именно, я вижу человѣка образованнаго, начитаннаго, знающаго Св. Писаніе, сочиненія Св. Отцовъ Церкви, хорошаго пѣвчаго, даже регента (онъ былъ регентомъ хора въ Кирилло-Новоозерскомъ монастырѣ), работника, знающаго строительное, столярное, токарное искусства, понимающаго живопись и иконописаніе и пр. Во всемъ этомъ я убѣдился, бывая въ Кирилло—Бѣл монастырѣ. Подъ его личнымъ руководствомъ была устроена сгорѣвшая часть величественной ограды, отдѣланъ прекрасной живописью и позолотой Введенскій соборъ, возстановлены многія зданія, построены прачечная, бани и мн. другое. Все, что, было, поинтересуешься узнать въ извѣстно богатомъ стариной К.—Б. монастырѣ, онъ все объяснить, разскажеть. И встрѣтясь

здесь, я невольно подумалъ, что все, что есть болѣе или менѣе замѣчательнаго въ Филиппо-Ирапской пустыни, мнѣ будетъ извѣстно.

Продѣлѣвъ далеко за полночь въ пріятной бесѣдѣ, мы легли спать въ ожиданіи слѣдующаго дня.

Тихо ночью въ Обители. Всѣ, какъ видно, отдыхаютъ послѣ проведеннаго рабочаго дня. Только сторожъ четко отбиваетъ время на колоколыѣ, далеко тревожа спокойную тишину.

Но вотъ, ударили въ колоколь къ началу утрени и я услыхалъ опять знакомый голосъ, дѣлающій распоряженія. Настоятель уже всталъ и вошелъ во храмъ. Туда-же спокойно, наклонивъ голову, покрытую черными клобуками, двигались, какъ-бы тѣни, монахи. Кончилась утрена, началась Литургія. Просто, но довольно стройно цѣлъ монашескій хоръ. Съ чувствомъ, не торопясь, читалъ чтецъ. Невольно мысль унеслась далеко, вглубь прошлыхъ вѣковъ съ ихъ подвижниками, повѣяло стариной. Видимо сюда, въ дремучій лѣсъ, мало кто идетъ безъ призванія, въ чемъ и пришлось убѣдиться послѣ,—хотя и небольшого,—знакомства съ братіей. Попивши чаю послѣ Литургіи, мы пошли осматривать монастырь. Дѣйствительно, какъ и ожидалъ, я узналъ въ болѣе замѣчательное, что есть въ монастырѣ. На другой день осмотрѣли окрестности, побывали на рѣчкахъ большомъ и маломъ Иринѣ. Природа, среди которой расположена Обитель, дѣйствительно чудесная. Кругомъ вѣковой сосновый боръ на десятки verstъ. Рядомъ съ монастыремъ рѣчка. Не ошибается и начальство Новгородской духовной семинаріи, какъ я слышалъ, посланная сюда на излѣченіе болѣе слабыхъ воспитанниковъ. Къ тому же, при монастырѣ, почти въ самомъ лѣсу выстроены два хорошихъ двухъэтажныхъ дома для посѣщающихъ Обитель богоильцевъ.

Пробывъ въ пустынѣ почти три дня, я долженъ былъ ужеѣхать. Съ чувствомъ сожалѣнія оставлять я этой уютной угодьи, находящейся подъ управлениемъ умнаго, симпатичнаго человѣка.

И, вотъ, послѣ проведенной зимы, полной заботъ и тревогъ, невольно чувствуется влеченіе посѣтить вновь благодатное мѣстечко, вновь насладиться обществомъ людей, отношенія которыхъ между собой исполнены только братской любви, которымъ чужды житейскія страсти, волненія, вновь хочется вздохнуть полной грудью среди возрождающейся природы, подышать чистымъ, свѣжимъ, незараженнымъ воздухомъ.